

Согласно наблюдениям Ши Жосяня, Се Моюнь в это время дня обычно уходил из дома, так почему же он вернулся так внезапно?

Сюн Чумо, охваченный трепетом, не забыл о своем долге защищать Ши Жосяня и опустился перед Се Моюнем на одно колено. Он склонил голову, и в его голосе слышалась глубокая скорбь:

— Девятый принц, прошу, не корите супругу принца. Это все вина подчиненного.

Ши Жосянь вопросительно изогнул бровь.

Все говорят, что пытками можно выбить любое признание, но здесь даже до рукоприкладства не дошло, а Сюн Чумо уже готов принять наказание.

Се Моюнь не ответил, но Ши Жосянь почувствовал, как воздух вокруг них словно застыл.

На самом деле, Ши Жосянь не считал, что в чем-то виноват.

Любовь к красивому мужскому торсу — чувство естественное и свойственное каждому. Он лишь смело озвучил свои мысли, а то, что его застали врасплох — так это просто невезение.

Ши Жосянь решил зайти издали и продолжил расспросы:

— Разве не должно быть мозолей на тех местах, которые были закалены упорными тренировками?

Перед тем как Се Моюнь удалился, Сюн Чумо отчетливо ощутил на себе острый, как лезвие, взгляд, который исчез лишь тогда, когда принц скрылся из виду.

Ши Жосянь, едва успевший выдохнуть, снова задержал дыхание.

Ответ Сюн Чумо донесся до него приглушенно:

— Не совсем так...

Но от того, что Сюн Чумо стоял на коленях, его мышечный рельеф казался еще более выразительным.

Диалог между Девятым принцем и его супругом, казалось, велся на разных языках.

— Тогда скажи, разве не разумно с моей стороны проверить глазами, действительно ли он обладает мастерством, чтобы убедиться в его профессиональной пригодности?

Как описать эту усладу для глаз: широкие плечи, узкая талия и рельефные мышцы?

Если вкратце, то зрелище было настолько потрясающим, что у Ши Жосяня глаза полезли на

лоб, а лицо Се Моюня посинело.

Слуга, следовавший за принцем, замер в нерешительности, сжимая в руках охапки свертков.

Се Моюнь, не сводя глаз с Сюн Чумо, бросил слуге:

— Уходи. Отнеси вещи и разложи все как следует.

Слуга, словно сбросив тяжкий груз, поспешно ретировался из этой напряженной атмосферы.

Се Моюнь пребывал в нерешительности, но все же ответил:

— Хорошо.

Сюн Чумо, выслушав все до конца, почувствовал, как в голове прояснилось, но осадок остался.

Ши Жосянь обернулся, держась с невозмутимым видом.

Опомнившись, он заметил, что Се Моюнь с поджатыми губами смотрит на него — наверняка тот видел, как он витал в облаках.

Се Моюнь сжал кулаки под широкими рукавами, но голос его прозвучал легко и безмятежно:

— Я ничего не видел.

Сюн Чумо тихонько подсказал:

— Прошу прощения за лишние слова, но в ближайшие дни супругу принца стоит проявлять к Девятому принцу побольше внимания.

Ши Жосянь уверенно отмахнулся:

— Пустяки, он уже не злится, тебе не о чем беспокоиться.

И все же, они казались на удивление гармоничной парой.

Слова супруга принца звучали вроде бы разумно, но в них было что-то странное; вроде бы все так, но логика слегка хромала.

Ши Жосянь облегченно выдохнул.

Упакованные закуски, изысканные наряды и даже забавная собачка, сплетенная из травы.

Се Моюнь молча смотрел на него:

— А дальше?

У Ши Жосяня была страсть к прекрасному, но, к несчастью, в противовес ему Се Моюнь обладал глазами, способными заметить любую искру ревности.

— Ты прав, я действительно накрутил себя, — выражение лица Се Моюня было обычным, и по нему невозможно было что-либо прочесть. — У меня еще есть дела. Вещи прислали заранее, если хочешь — забирай сам, а я продолжу работу.

Ши Жосянь хотел было взглянуть на лицо Сюн Чумо, а потом поскорее объясниться с Се Моюнем.

— На самом деле, это нельзя назвать моей виной. Нет, я вообще ни в чем не виноват. Смотри сам: вот здесь...

Ши Жосянь прочистил горло:

— Супруг мой, все не так, как ты подумал. Послушай, как я буду оправдываться.

Сюн Чумо смотрел на Ши Жосяня, который явно не хотел останавливаться и был крайне доволен своим представлением.

— В основном, да, в основном. — Ши Жосянь сам задал вопрос и сам же на него ответил, возвращаясь в рамки логики.

На бесстрастном лице Се Моюня Ши Жосянь прочитал лишь одно: глубокую сосредоточенность.

— А разве личные охранники, защищающие меня, не должны обладать безупречным мастерством?

Ши Жосянь оглядел гору подарков и догадался, что Се Моюнь специально вернулся пораньше. Его прямая спина внезапно обмякла.

Се Моюнь произнес:

— Но я слышал.

Ведь в этом мире не так много людей, которые могут вести свой разговор, игнорируя собеседника, и при этом умудряться договорить до конца.

Сюн Чумо промолчал.

— На самом деле, чтобы вы не подумали ничего дурного, я только смотрел глазами, даже руками не трогал. Разве тут есть место для недопонимания? — с самым серьезным видом заявил Ши Жосянь.

Древний мудрец однажды сказал: в жизни нет недостатка в красоте, есть недостаток в глазах, способных ее увидеть.

Сюн Чумо стоял, опустив голову, с видом человека, готового принять любую кару.

Се Моюнь кивнул:

— Хорошо.

Ши Жосянь указал обеими руками на впечатляющий торс Сюн Чумо:

— Разве люди, изучающие боевые искусства, не должны задействовать верхнюю часть тела для приложения силы?

Возможно, это и есть то самое единство противоположностей, о котором пишут в книгах великие поэты.

*

Как и предполагал Ши Жосянь, Се Моюнь не злился.

Их общение ничуть не изменилось.

Разговаривал он спокойно и ровно.

Держался сдержанно и учтиво.

Даже ночью, ложась спать, он по привычке занимал лишь краешек кровати, позволяя Ши Жосяню раскинуться вольготно и завернуться в одеяло, словно в пекинский блинчик с начинкой.

Однако глубокой ночью, когда Ши Жосянь, проспавший весь день, предавался раздумьям, его внезапно осенило:

А что, если Се Моюнь все же злится, просто скрывает это в себе?

На часах была полночь. Даже Цзицзи, растратив всю энергию, лениво спал на оконной раме.

В полумраке ночи спящий Се Моюнь казался статуей; даже тусклый свет не мог скрыть его высокого переносицы и четких черт лица.

Ши Жосянь смотрел на его расслабленные во сне губы, желая повернуться, чтобы разглядеть его лучше, но тут Се Моюнь открыл глаза и их взгляды встретились.

Ши Жосянь, чье лицо наполовину утопало в одеяле, смотрел на него блестящими глазами. Се Моюнь на мгновение замер и первым делом спросил:

— Почему не спишь? Проголодался?

Его голос, только что пробудившийся ото сна, звучал хрипло и низко, словно звуки виолончели.

Ши Жосянь смущенно ответил:

— На самом деле, немного.

— Что хочешь съесть? В шкафу все есть, — Се Моюнь начал подниматься и спросил: — Жемчужную сливу?

— Ты же сам раньше говорил, что она слишком сладкая и портит зубы, и не разрешал мне много есть?

Взгляд Се Моюня прояснился, он поджал губы:

— Ничего страшного, если хочешь — ешь.

Это выражение лица. Именно это выражение.

Уголки губ слегка опущены вниз в сочетании с таким обыденным, ровным тоном.

Он определенно злится.

На следующее утро, когда Се Моюнь за десять минут закончил все дела, на которые уходило по полчаса, Ши Жосянь окончательно убедился: эта скрытая обида продлится долго.

Не зря он будущий император и главный герой: даже если он чем-то недоволен, он не кричит и не устраивает сцен, а наоборот, потакает Ши Жосяню, притворяясь, что все в порядке.

Но Ши Жосянь по-прежнему стоял на своем: он не виноват.

Он просто хотел посмотреть, к тому же ничего не вышло, так что вины на нем точно нет.

В словаре милого червячка нет слова ошибка, а если что-то и не так, то ошибся Се Моюнь.

Но как заставить его это осознать...

У Ши Жосяня был план.

*

В час Дракона у Се Моюня было время для утреннего чтения.

Он достал пожелтевший от времени экземпляр Дао Дэ Цзин, но знакомые звуки за окном

привлекли его внимание.

Письменный стол Се Моюня стоял у окна, а прямо напротив, за озером, находилась беседка.

Окруженная водой и искусственными скалами, в ясную погоду она была идеальным местом для отдыха.

На картинах в стиле се-и такие беседки всегда украшались присутствием красавиц, чтобы сцена была по-настоящему захватывающей.

Но с тех пор, как Се Моюнь переехал в поместье Девятого принца, беседка пустовала.

Сегодня же в ней сошлись и красота, и прекрасный вид.

Ши Жосянь был облачен в платье цвета нежно-розового лотоса, на руках поблескивали серебряные браслеты с красными бусинами, а белая шаль, накинутая на плечи, развевалась на ветру, словно одежды небожительницы с фресок Дуньхуана.

Се Моюнь, который утром не смог вдоволь налюбоваться, сейчас наверстывал упущенное.

Ши Жосянь сидел в беседке, весело болтая с Лабицинь.

Уголки губ Се Моюня невольно поползли вверх, он прислушался к их разговору.

— Почему это супруг принца сегодня решил выйти прогуляться? — вопрос Лабицинь был тем же, что и у Се Моюня, но интонация совсем иной.

Ши Жосянь нахмурил свои изящные брови и с досадой произнес:

— Я вчера читал книгу, так расстроился, что уснуть не мог.

Лабицинь любопытствовала:

— Что же там было написано, раз вы так рассердились?

— Ну вот скажи, если женщина хочет расторгнуть брак, разве она в чем-то виновата?

Лабицинь замялась:

— Тут все зависит от причины.

— А если муж... ну, в этом плане не состоятелен?

— Э-э... это...

Лабицинь залилась краской до самых ушей и прошептала:

— Если муж не поддается лечению, то развод вполне оправдан.

— Да нет, лечится, на самом деле все можно исправить.

— Откуда вам знать? — озадачилась Лабицинь.

Ши Жосянь с уверенным видом заявил:

— Так в книге написано.

Лабицинь кивнула, задумавшись:

— Тогда зачем разводиться? В супружестве важнее всего гармония, не обязательно же каждый день...

Чем больше она говорила, тем краснее становилось ее лицо.

— На самом деле, жена влюбилась в соседа, крепкого парня, который кует железо в соседнем дворе и каждый день от жары ходит без рубашки... эти мышцы...

— Вы чего так разволновались? — спросила Лабицинь.

Ши Жосянь помедлил несколько секунд, сглотнул и продолжил:

— Ой, я просто злюсь за того мужа из книги. У него же все есть, просто если бы он показал это, сосед бы его не затмил.

Лабицинь закивала:

— Вы совершенно правы.

Ши Жосянь бросил едва заметный взгляд в сторону противоположного окна.

Мало быть правым, нужно, чтобы кое-кто тоже это почувствовал.

*

На следующее утро, на рассвете, Ши Жосянь проснулся в полудреме и обнаружил, что место рядом с ним пусто.

Снаружи, во дворе, уже слышались какие-то движения.

Завернувшись в одеяло, он подошел к окну, и его сонные глаза вмиг расширились.

Вчерашний намек сработал!

Под бледным утренним небом Се Моюнь упражнялся с мечом под деревом. Его движения были легкими и изящными, словно танец, а приемы — твердыми, как старая сосна. Клинок рассекал воздух.

Но не это было главным.

Главным было то, что капли пота стекали по его подбородку, выточенному, словно из камня, прямо на обнаженные грудные мышцы.

Воротник его халата был распахнут так широко, как Ши Жосянь никогда не видел даже во время сна.

Сейчас Ши Жосянь смотрел на четкие линии его торса, забыв обо всем на свете, даже о том, что одеяло сползло с плеч.

Се Моюнь почувствовал взгляд Ши Жосяня. Он не стал смотреть в ответ и не показал виду, что заметил его, а невозмутимо завершил упражнение.

Затем, под пристальным взглядом Ши Жосяня, он спокойно повернулся спиной и медленно снял верхнюю одежду.

Ши Жосянь подумал: неужели все мои прошлые грехи были ради того, чтобы увидеть это как свой последний ужин?

Се Моюнь спрятал свой победный взгляд и обернулся к Ши Жосяню:

— Почему ты встал? — удивился он. — Я тебя даже не заметил.

Ши Жосянь не мигая смотрел на него:

— Ранняя птичка получает... то есть, получает мясо.

Когда подошла Лабицинъ, Ши Жосянь сидел перед зеркалом.

Он все еще прокручивал в голове увиденное, а Се Моюнь наблюдал за его лицом в отражении.

— Что случилось? — спросил Се Моюнь.

— Наложница Ли лично пришла с придворным лекарем, говорит, нужно проверить пульс у вас обоих, чтобы поправить здоровье.

Сердце Ши Жосяня ушло в пятки.

Пульс?

И где ему теперь прятать свои «аксессуары»?!

<http://bllate.org/book/19091/1874926>